

Начало лета, ночной ветер приносит с собой зной. Цэнь Цзюнь лежит на кушетке, всё в той же простой рубахе, что носил днём. Он не укрылся одеялом, просто забылся беспокойным сном.

В обычные дни он вечно ворчал на Юньшо, мол, тот мальчишка слишком шумный, но стоило ему на несколько дней отлучиться, как в душе будто образовалась пустота. Цэнь Цзюнь ворочался всю ночь, так и не сомкнув глаз. За окном сгустились тяжелые тучи, наглухо скрыв луну, и это зрелище невольно напомнило ему о том времени, когда он только прибыл в Шучжоу.

Тогда его самого можно было описать лишь словами: тело словно сухое дерево, сердце — как замерзший источник. Долгое время он не чувствовал смены времен года, не различал вкуса еды, путал день с ночью, пребывая в каком-то мутном, беспамятном оцепенении.

Шучжоу находился за тысячи ли от нового столичного города государства Юнь и граничил с землями, которые еще раньше пали под натиском Бэйданя. Хотя формально эти края всё еще принадлежали Южной Юнь, жизнь здесь давно угасла, люди были разобщены, а бывшее процветание осталось лишь в воспоминаниях. Прибыв сюда в должности окружного управляющего, он в глазах местных был не более чем опальным чиновником, потерявшим влияние и всякое будущее, поэтому никто не встречал его приветливо.

Единственное, что заставляло его влачить это жалкое существование...

В полудреме, в пограничном состоянии между сном и явью, он снова погрузился в те видения.

Что это был за дождь! Лил как из ведра, неистово и щедро. Цэнь Цзюнь не раз думал: если бы существовал такой дождь, способный смыть с лица земли всю скверну, как было бы прекрасно.

После ливня мир предстал чистым и ясным. Цэнь Цзюнь следовал за Лин Юаньцзе, шаг за шагом поднимаясь на самую высокую точку дозорной башни городка Луцзяо. Оба они были в серебряных доспехах, выглядели величественно.

— Главнокомандующий, мы наконец-то вернули своё! — Цэнь Цзюнь перевел дыхание и указал стеклом на север. — Прямо по курсу Шэнцзин. Конница Бэйданя отступает по всем фронтам, бросая обозы. Шэнцзин уже у нас в кармане!

Лин Юаньцзе поднял взгляд и посмотрел вдаль, куда указывал стек Цэнь Цзюня.

— Время летит как стрела, а путь небес изгибается, словно лук. В мгновение ока Шэнцзин и десять областей Юнь уже почти пять лет томятся под властью варваров, — в глазах Лин Юаньцзе промелькнула грусть.

В те времена он был полон юношеского задора, полагая, что, опираясь на людские и материальные ресурсы великой Юнь, вернуть утраченные земли будет проще простого. Лишь

теперь он понял, что каждый шаг вперед в этом мире дается с трудом, словно движение против течения. И лишь его верный заместитель, следовавший за ним все эти годы, мог по-настоящему понять, каких усилий стоило получить право командовать армией и повести её на север.

— Да, мне и самому часто снится, что я вернулся в Шэнцзин. Я даже слышу звон колоколов храма Линсин, — Цэнь Цзюнь погладил кирпичи крепостной стены и улыбнулся. В юности он жил в старой столице и больше всего любил рассуждать о её красотах и богатстве.

— Столько раз слышал от тебя об этом, что, кажется, и сам вижу те места: красные персики и зеленые ивы в императорском саду, чайные и книжные лавки у ворот Чжуцзюэ, мост Фэйхун над рекой Лишуй. Поистине захватывающее зрелище, — оба рассмеялись.

Под развевающимися на ветру знаменами остальные военачальники также были полны решимости и честолюбивых помыслов.

— Наконец-то дождались дня, когда мы отрубим голову этому псу-императору Бэйданя и смоем позор!

— Говорят, тот император так перепугался, что у него ноги подкосились, сейчас только и занят тем, что вывозит из дворца сокровища, готовый в любой момент сбежать.

— В этот раз мы используем наши новейшие пушки по полной программе, заставим варваров горько пожалеть о содеянном и сдаться на милость победителя!

— После взятия Шэнцзина мы непременно напьемся с братьями вволю, а кровью пса-императора почтим души наших павших воинов!

— Когда наступит этот день, главнокомандующий обязательно должен лично водрузить знамя нашей Юнь на самую высокую башню Шэнцзина, чтобы все видели наше величие! — Цэнь Цзюнь вглядывался в изборожденное годами сражений лицо Лин Юаньцзе, прекрасно понимая, о чем тот сейчас думает.

Лин Юаньцзе без колебаний кивнул. Но, переведя взгляд еще дальше, он сказал Цэнь Цзюню:

— Шэнцзин — это не конец, мы должны добиться большего. Хотя крепость гор и рек зависит от добродетели, а не от крутизны склонов, правила обороны и нападения неизменны. В областях Июнь сплошные равнины, нет естественных преград, и в будущем вражеская конница снова сможет ворваться сюда без помех.

— После усмирения Июнь нужно двигаться дальше на север, взять Динчжоу и Инчжоу, занять три заставы, перекрыть стратегические проходы гор Ишань и Дамин. Тогда народ сможет жить в мире и процветании, не страдая от войн и горечи разлуки.

Лин Юаньцзе говорил очень медленно и спокойно, но за каждым его словом скрывалась поразительная решимость и дальновидность. Цэнь Цзюнь смотрел на четкий профиль Лин Юаньцзе, и в глубине его глаз вспыхнула радость.

Этот человек поставил на кон всё, что у него было.

И это была их общая мечта на всю жизнь.

Теперь он понимал, что это лишь сон, ведь видел его бесчисленное количество раз. Он даже знал, чем этот сон закончится. Раньше он пытался в сновидении предупредить Юаньцзе, полагая, что так сможет изменить прошлое. Но теперь он перестал это делать, лишь надеясь, что хотя бы во сне Юаньцзе сможет подольше оставаться счастливым.

Потому что после этого всё было разрушено.

...

Внешний город Шэнцзина под властью Бэйданя выглядел унылым и заброшенным, людей на улицах было мало. Юньшо и Жуньцин прошли через очередной досмотр и лишь тогда смогли попасть во внутренний город, где наконец стали попадаться торговые лавки. Однако атмосфера упадка и тлена, царившая здесь, составляла резкий контраст с тем, как Цэнь Цзюнь описывал шумные улицы и процветание старой столицы, отчего у Цэнь Юньшо сжималось сердце.

По внутреннему городу в основном ходили простолюдины, торговцы и солдаты в нарядах Бэйданя. Несколько лет назад, когда Бэйдань перенес столицу в Шэнцзин, жизнь здесь начала понемногу оживать, но в сравнении с прошлым это было небо и земля.

Юньшо привязал лошадь у постоялого двора, и они с Жуньцином вошли внутрь. Хозяин равнодушно отозвался:

— Два молодых господина, ищите ночлег? К несчастью, мест нет. Может, поищите в другом месте?

Юньшо и Жуньцин переглянулись — это был уже пятый постоялый двор. Год больших экзаменов, Шэнцзин был переполнен студентами, приехавшими со всех концов страны. Гостиницы и общежития были заняты прибывшими заранее кандидатами, неудивительно, что им никак не удавалось найти пристанище.

Выйдя на улицу, Сюй Жуньцин помрачнел. Юньшо поспешил его утешить:

— Не волнуйся. Давай сначала перекусим, что-нибудь да придумаем.

Жуныцин сказал:

— У меня в узле есть несколько лепешек.

Юньшо легонько похлопал его по спине:

— Брось эти холодные и твердые лепешки. Целый день в пути, брат угостит тебя чем-нибудь горячим.

Юньшо временно оставил лошадь на постоялом дворе. Пройдя немного, они увидели уличный прилавок, где продавали суп с лапшой. От пара исходил такой аромат, что ночная прохлада чужого города показалась чуть мягче.

Хозяин, раскатывая тесто, радушно пригласил их:

— Молодые господа, на экзамены приехали? Садитесь, поешьте, согрейтесь.

Юньшо взглянул на Жуныцина, тот кивнул. Они отряхнули полы одежды и сели на скамью.

— Что желаете? — спросил Юньшо.

— Одной порции супа с лапшой хватит, без добавок, — ответил Жуныцин.

— Ну уж нет! Ты еще растешь, нужно питаться как следует. Хозяин, будь добр, две порции супа с лапшой и добавь тройную порцию закусок! — Юньшо не дал Жуныцину возможности возразить.

— Будет сделано! — весело отозвался хозяин и ловко закинул лапшу в кипящий котел.

За соседним столом сидел молодой гость в бледно-зеленом шелковом халате с круглым воротом. Полноватый, с добрым лицом, он неторопливо ел свою лапшу. Юньшо заметил, что тот держит палочки в левой руке, действуя ими очень ловко — сразу видно, левша.

Жуныцин тихо вздохнул:

— Если так и не найдем жилье, придется ночевать под открытым небом.

Юньшо подумал и предложил:

— Поедим и пойдем поспрашиваем в людных местах. Может, повезет найти местных, у которых

есть свободная комната, и они согласятся пустить нас на пару ночей.

Когда они почти доели свои порции, гость за соседним столом тоже отложил палочки, вытер уголки губ шелковым платком и с легкой улыбкой вежливо обратился к ним:

— Вы, юные господа, прибыли в столицу на экзамены?

Юньшо, подражая манерам взрослых, серьезно сложил руки в приветствии:

— Именно так. Не подскажете ли чего, почтенный господин?

Тот улыбнулся:

— Только что слышал ваш разговор, похоже, вы озабочены жильем. Как раз у моего друга есть свободный флигель на востоке города. Двор там невелик, зато чисто и уютно, да и до места проведения экзаменов недалеко. Если не побрезгуете, можете остановиться там на несколько дней.

Глаза Жуньцина загорелись, он нетерпеливо спросил:

— Правда? А сколько будет стоить аренда?

Гость отмахнулся, ответив легко:

— Мой друг не придает этому значения, заплатите сколько посчитаете нужным.

Жуньцин поспешно сказал:

— Огромное спасибо! Не смею ли спросить ваше имя? Если когда-нибудь доведется встретиться, непременно отплатим добром!

Молодой человек улыбнулся:

— Моя фамилия Шэнь, а имя Цюань. Не стоит благодарности, просто готовьтесь к экзаменам со спокойной душой.

Юньшо всё еще сомневался и хотел было расспросить подробнее, но Жуньцин легонько дернул его за рукав и прошептал:

— У нас всё равно нет другого пристанища, давай сходим и посмотрим.

Юньшо посмотрел на Жуньцина, потом на Шэнь Цюаня — его одежда и лицо не вызывали подозрений — и наконец кивнул, поклонившись:

— Тогда побеспокою вас, господин.

Шэнь Цюань слегка улыбнулся, поднялся и сказал:

— Идемте, я покажу вам этот дом.

Он провел их через несколько тихих переулков и остановился перед домом с белыми стенами и черепичной крышей. За воротами их встретил ряд бамбуковых деревьев, чьи листья тихо шелестели на ветру. В углу двора стоял керамический чан с красными карпами, на воде плавали листья лотоса. Вдоль забора вились розы.

Шэнь Цюань указал на флигели:

— Если нравится, располагайтесь здесь. Всё необходимое есть, завтра я зайду проведать, если чего-то не хватает — дадите знать.

Жуньцин огляделся, сияя от радости:

— Этот дом такой изящный, хозяин наверняка человек утонченный.

Юньшо кивнул:

— И правда неплохо, куда лучше, чем шумные постоянные дворы.

Шэнь Цюань улыбнулся:

— Хозяин здесь бывает редко, лишь изредка заезжает погостить. Дом хоть и мал, но обставлен по его вкусу, каждая травинка здесь не случайна. Только одно: в главном доме ничего не трогайте.

Жуньцин поспешно закивал:

— Разумеется, мы ни к чему не прикоснемся.

Юньшо добавил:

— Не волнуйтесь, мы только переночуем несколько дней, не будем доставлять хозяину хлопот.

Они расположились в разных флигелях. Устроившись, Жуньцин услышал, как Юньшо зовет его во двор. Выйдя, он услышал наказ:

— Запри ворота, сиди в комнате и никуда не ходи. Я отлучусь по делам.

— Куда ты? — обеспокоенно спросил Жуньцин.

— По мелочи. Через час вернусь. Не переживай.

Жуньцин взглянул на небо, где собирались тучи:

— Собирается дождь.

— Тогда возьму зонт.

Юньшо вернулся за зонтом, и не успел он дойти до ворот, как Жуньцин поспешил за ним:

— Ты уйдешь, а я останусь один в таком огромном доме, жутко же.

Юньшо усмехнулся:

— Тогда пошли вместе.

— Куда мы?

— В место под названием Яньлянь-юань.

— Ты знаешь дорогу? — Жуньцин видел, что тот идет уверенно.

— Мой дядя нарисовал мне карту Шэнцзина, я всё запомнил здесь, — Юньшо постучал себя по груди.

Жуньцин покосился на него:

— Ты ничего не напутал? Надеюсь, не заведешь меня в глушь.

Юньшо закатил глаза:

— Ну ты даешь! Мы столько лет знакомы, я что, похож на человека, которому нельзя доверять?

Жуньцин притворно серьезно кивнул:

— Похож, очень даже похож.

Они шли и шли, и действительно оказались на пустыре. Воздух был пропитан сыростью, из болота доносилось громкое кваканье лягушек. Жуньцин невольно вздрогнул и прошептал:

— Почему здесь ни души?

Юньшо потрепал его по голове:

— Не бойся, брат рядом.

В небе прогремел гром, тяжелые тучи, словно пропитанная чернилами вата, нависли над землей, казалось, вот-вот рухнут. Дорога под ногами почти скрылась в высокой траве, по которой, похоже, давно никто не ходил.

— Пришли, — не успел Юньшо договорить, как перед ними раскинулось широкое озеро. Лотосы еще не цвели, но листья, размером с блюдо, источали тонкий аромат.

Посреди озера виднелись три острова, на каждом — по дворцу. На двух берегах возвышались высокие башни, уходящие в облака, вокруг них рос бамбук, а камни были сложены в причудливые горы.

— Это Яньлянь-юань. Летом здесь прекрасное место для любования лотосами по ночам. Две башни на берегу — Чжаоюнь и Муюнь. Когда-то императоры Юнь принимали здесь сановников. С них можно было обозревать весь город.

Жуньцин замер, очарованный — в Шучжоу он никогда не видел такой красоты.

Однако, подойдя ближе, они с ужасом обнаружили, что башни утратили былое величие: позолота облезла, красная краска выцвела, на колоннах остались следы от топоров и мечей, а после пожара черные трещины расползлись по ним, словно паутина. Земля была залита темными пятнами крови, а среди обломков валялись сломанные стрелы.

Изящные, словно крылья птиц, края крыш, растворяясь в черной ночной мгле, казались тяжелыми, как горы. Ветер приносил жалобные стоны, от которых волосы вставали дыбом.

В те времена, когда сюда прибывал Сын Неба, с драконьими знаменами и золотыми колесницами, под звуки музыки — что за процветающая эпоха была! А теперь повсюду сорняки, башни и дворцы на островах превратились в руины. Разбитые стены и дикие лотосы создавали пугающее зрелище, и каждый дюйм пространства был пропитан невыразимой

печалью.

Жуньцин смотрел на это, и в его глазах блеснула скорбь:

— Такой земной рай, а всё же не избежал бедствий этого мира.

Юньшо смотрел на черные следы огня на башне Чжаоюнь и произнес с горечью:

— Когда пал Шэнцзин, люди Бэйданя три дня грабили и убивали. Мой дядя был единственным выжившим в нашей семье. С тех пор он последовал за главнокомандующим Лином, пройдя через огонь и воду. Когда он усыновил меня, главнокомандующий дал мне имя Юнь Шу, надеясь, что в будущем я буду охранять границы и защищать мир.

Позже главнокомандующего обвинили в преступлении, а дядю сослали в Шучжоу. Кто же знал, что конница Бэйданя снова пойдет на юг, и Шучжоу с Фучжоу тоже падут. Дяде пришлось стать окружным судьей, и с тех пор жители Шучжоу проклинали его, называя собакой на побегушках. Чтобы избежать подозрений, он сменил мне имя на Юньшо, — он замолчал, голос его стал тяжелым. — В надежде на то, что я буду помнить: Шэнцзин принадлежит Юнь.

Жуньцин стоял рядом, молча слушая это предание. Ветер в пустыне не приносил тепла. В эпоху хаоса такие национальные обиды и семейные трагедии давили на каждого.

— Эти варвары поистине отвратительны. Грабят и убивают на нашей земле, душат налогами, из-за них наша цивилизация не развивается, а деградирует! Но больше всего я не могу понять: как такой человек, как главнокомандующий Лин, мог погибнуть в тюрьме без суда министерства наказаний? — в голосе Жуньцина звучал гнев.

— Главнокомандующего подставили. Дядя всегда говорит, что расскажет мне всю правду, когда я стану старше. Он всегда сокрушался, что этот мир слишком грязен, жизни людей — как трава, а что уж говорить о жизни генерала... она ценится не больше.

— Дождь пошел, — Жуньцин протянул руку, поймав каплю, и холод мгновенно пронзил ладонь. Дождь забарабанил по листьям лотоса, словно мир заиграл печальную погребальную песнь.

— Идем, переждем в той беседке, — Юньшо раскрыл зонт, и они побежали по скользкой грязи к беседке впереди.

<http://bllate.org/book/19776/1948377>